

Григорий Померанц С надеждой на воскресение

Мы много лет спорим с моим другом, Александром Мелиховым. Мелихов – математик и писатель. Как математик, он признает только строго доказанные истины. Как писатель, он знает, что этими истинами нельзя жить; вдохновляет жить только то, что трогает сердце, а совсем не то, что доказано и признано наукой. И оглядываясь кругом, Мелихов еще и еще раз убеждается, что нас вдохновляют «фантомы». На сегодняшний день это почти верно: живем в мире фантомов, созданных телевидением. Все массовые идеологии хочется назвать «вдохновляющим враньем» (как выразился герой одного из романов Мелихова). И остается только выбор между сравнительно безобидными фантомами и фантомами скверными, ведущими к массовым убийствам.

В рамках психологии масс это не только почти верно, это совсем верно; но личность прорывается сквозь статистику, и истинность шире математики, шире науки. Точность возможна только в логически корректных операциях с банальными предметами мысли. Если же мыслить о Гамлете, в душе которого было окошко в бесконечность, то за четыреста лет не удалось определить, в чем его обаяние, и споры будут длиться век за веком. За три тысячи лет не удалось доказать, что Гомер – хороший поэт. И было уже сказано, что Венера Милосская несомненнее принципов 1789 года.

Мелихов прав в своих отрицаниях. Достоверность факта не делает его ценностью. То, что «сухие ноги лучше мокрых» (это опять фраза из романа Мелихова) – верно, но очень скучно, а со скуки и удавиться можно. Все, чем живет сердце, спорно для ума. А то, что убеждает ум, иногда наталкивается на вето сердца.

Я согласен с Василием Гроссманом, что величайшие злодеяния совершались во имя добра. Я согласен с Мелиховым, что скучный прагматизм не вдохновляет на Освенцим, на Колыму. И все-таки он скучен. Выход из царства полуистин – вглубь сердца, там, где наше маленькое сердце сливается с сердцем вселенной (прошу простить за метафору, не имеющую смысла для

ума), там, в глубине, раскрывается высшее, которому радостно служить – как мать ребенку, художник искусству и т.п.

В разуме Бог умирает. Если верить – значит говорить о Боге в третьем лице, то я не верю в Бога, – говорил Мартин Бубер. Но он верил своему сердцу, рвавшемуся к Богу. Мелихов сердцу не доверяет, он указывает на тысячи случаев, когда сердце ошибается, обманывает. Я эти случаи тоже знаю, я называю их наплывами. Наплывы захватывают, – но не достигают той глубины, где время тонет в вечности. Наплывы отличаются от моды (на узкие каблукы, на голые пупки и т.п.), наплывы поэтичны, они оставляют след в сердце и в искусстве, но из царства времени они не вырываются, время их создает и время их поглощает. Наплыв влюбленности слеп, он не познает Другого, а воображает его (под влиянием гормонов, лозунгов и т.п.), и в какой-то миг человек вдруг сознает, что король гол. Наплывы бывают массовыми, как мода. В 1941 году все новобранцы влюблялись в первую попавшуюся девушку. Я это испытал и помню, как тень смерти придавала иллюзии видимость вечной глубины. В наши дни миллионы людей стали надевать крестики и хвататься за эти крестики в бездне духовной пустоты. Какое-то меньшинство доходит до зрячей любви, до вглядывания в душу любимого, до возникновения чего-то вроде молекулы, где оба атома рождаются заново и создают неразрывное целое. И тогда случается чудо – выход из царства суеты, из царства греха, восстановление контакта с собственной глубиной, где грех сгорает, где суеты больше нет. Для них просто нет места в полноте чувства. Дело не в том, кого человек любит, Машу или Марию деву, а как он любит. Статистика эти редкие случаи пропускает, но Антоний Сурожский прав: «Каждый грех есть прежде всего потеря контакта с собственной глубиной». И этот контакт может быть восстановлен, пусть – пунктиром, пусть – редким пунктиром, а не сплошной линией...

Чувство целостности бытия у ребенка быстро теряется и восстановить его трудно, но я прошел этот путь – к пунктиру сердечного знания – и убежден, что это возможно для всех, не раз достигалось в прошлом и много раз высказывалось в стихах и в прозе. Фантом и прагматика оба остаются на

поверхности, где все разорвано и то, что достоверно, не вдохновляет, а то, что вдохновляет – ложь. Но на глубине разорванности нет. На глубине – выход из царства лжи и мнимой свободы выбора одной лжи вместо другой. Мы не сознаем этого, потому что суэта постоянно вытягивает нас на поверхность, вырывает из глубины.

Телевизор приучил нас обращать главное внимание на то, что фотогенично, что поражает. Взрыв бомбы фотогеничнее, чем игла наркомана. Но главная наша беда – не угроза извне, а внутренняя пустота, потеря чувства высшего, господство ложной идеи, что всё, вдохновлявшее в прошлом, – ложь и мудрость заключается в том, чтобы жить в свое удовольствие. Ну, а что за удовольствие – возиться с пленками? Обзор писем женщин вышел в одной из норвежских газет под заголовком: «Дети крадут счастье».

Опасность и страх – разные вещи. Я уже писал и говорил с телеэкрана, что страх, возникший из-за актов террора, намного больше реальной опасности. На войне мы жили, окруженные взрывами, и обращали на них внимание только тогда, когда они требовали немедленного действия, а если не требовали, то относились к размытой угрозе совершенно беспечно. Это Мелихов у меня подхватил и по-своему пересказал, прибавив к беспечности еще одно слово: бесшабашность. Бесшабашность, конечно, случалась, но я ее никогда не хвалил. Когда опасность сгущается, ее нельзя игнорировать. Нужен полет над страхом при совершенной ясности мысли, трезво (подчеркиваю: трезво) оценивающей обстановку и принимающей трезвые, хотя иногда рискованные решения. И сейчас нужно совершенно ясное познание опасности, которая грозит всей нашей цивилизации, совершенно не трогая отдельных людей и не вызывая чувства тревоги. По крайней мере, в нашей стране, погруженной в свои местные заморочки, она никого не тревожит.

Первым сигналом о новом вызове истории, дошедшим до меня, была книга Патрика Бьюкенена «Смерть Запада», медленная смерть от перевеса смертности над рождаемостью. Книга вышла в 2002 г., я ее прочел в 2004-м. Анализ причин у Бьюкенена слаб и меры, которые он предлагает, наивны; это уменьшило впечатление, но вскоре мне дали прочесть статью Сэмюэла

Хантингтона «Уникальность, не универсальность». Это крутой поворот от глобализации к замкнутости культурных кругов. Бывший проповедник борьбы цивилизаций перестал верить в победу Америки и думает только о том, как выжить, как сохранить ценности Запада. У Хантингтона остались в уме пережитки холодной войны, на которых я не буду останавливаться, но его тревоге я поверил.

Ученые ждали рокового кризиса от истощенности природных ресурсов, от разрушения естественной среды. А сегодня ресурсов еще хватает и естественная среда не до конца испорчена, но первыми стали исчезать люди, по крайней мере, – в постхристианском мире. Лидирует почему-то Испания (1,1 ребенка на супружескую пару), цифра порядка 1,3 и в богатой Америке, и в бедной России. Смертельной оказалась мудрость прагматиков: не думать ни о каком светлом будущем, не рваться к звездам, а просто жить в свое удовольствие. Ну вот и пожил. Как теперь остановить инерцию наслаждений? Мелихов назвал современный секс мастурбацией вдвоем и всю нашу цивилизацию мастурбационной. Героин, лесбийская любовь не дают потомства. Зря шахиды себя взрывают. Содом истребляет себя сам, без небесного огня.

В тупике, в пространстве без дорог иногда приходит второе дыхание. Тупик на плоскости истории – знак поворота вглубь. Все прежние знаки мы пропускали без внимания. Убедит ли нас демография? Убедит ли нас опасность не нам лично, а нашим ценностям, которые исчезнут вместе с нашими неродившимися внуками? Сумеем ли мы откликнуться на вызов судьбы? Возникает ли в гниющем обществе творческое меньшинство, способное рождать новые, живые слова, способное увлечь с плоскости, ставшей наклонной, увлечь в глубину, к вечно живым истокам духа? Тогда у нас появится другое искусство, другая семья и другие матери. Пока их нет. Есть одиночки. Есть небольшие кучки творческого меньшинства, но в масштабах страны его нет. И у власти нет понимания, как ему помочь и нужно ли оно вообще.